

> МАГИСТРАЛЪ >

Моим родителям и брату

Предисловие автора

*К*нига эта родилась от голода. Сейчас объясню. Весной 1996 года в Канаде вышла вторая моя книга — роман. Расходился он из рук вон. Критики или недоумевали, или хвалили так, что лучше б не хвалили вовсе. Так он и прошел мимо читателей. Я лез из кожи, корчил из себя не то клоуна, не то воздушного гимнаста, — все без толку: публика меня просто не замечала. Словом, полный провал. Другие книги стояли на магазинных полках стройными рядами, как бейсболисты или футболисты перед матчем, а моя больше походила на доходягу-хлюпика, которого никто не хотел брать к себе в команду. Так она и канула в небытие — быстро и без шума.

Не очень-то я и огорчился. Я уже взялся за другую историю — про Португалию 1939 года. Чего мне не доставало, так это покоя. Зато хоть какие-то деньги появились.

И вот я полетел в Бомбей. И это еще не самая глупая затея, если учесть три вещи: поездка в Индию, хоть и короткая, успокоит кого угодно; даже с худым кошельком жить там можно сколько заблагорассудится, да и потом, роман про Португалию 1939 года не обязан иметь прямое отношение к Португалии 1939 года.

В Индии я бывал и раньше — прожил месяцев пять в северных краях. Тогда, в первый раз, я прибыл в Индостан совершенно неподготовленный. Только выучил одно заветное слово. Когда я рассказал приятелю — а тот знал Индию как свои пять пальцев, — что собираюсь в путешествие, он бросил как бы мимоходом: «У них там, в Индии, говорят на таком английском — обхо-хочешься. Особенно в ходу словечки типа «втирать»». Я вспомнил это, когда самолет начал снижаться над Дели, так что вся моя подготовка к красочной, неугомонной, бесшабашно-суетной Индии свелась к одному-единственному слову — «втирать». Я вворачивал его по всякому поводу — и, честно сказать, срабатывало. Кассиру на вокзале так прямо и выдал: «Не знал, что цены у вас кусаются. Надеюсь, вы мне тут не втираете?» Он улыбнулся и прощелбетал: «Да что вы, сэр! У нас никому не втирают. Все честь по чести».

Теперь, оказавшись в Индии во второй раз, я уже знал, чего здесь можно ждать и чего хотелось бы мне самому: а мне хотелось забраться куда-нибудь в горную деревушку и писать роман. Я спал и видел, как сижу за столом на просторной веранде, передо мной — кипа исписанной бумаги, а рядом с ней — чашка дымящегося чая. Под ногами стелются зеленые холмы, подернутые туманной дымкой, а в ушах звенит от пронзительных криков обезьян. Погода будет что надо — утром и вечером можно обойтись легким свитером, а днем не пропаду и в какой-нибудь безрукавке. Так-то вот, с пером в руке, и буду искать великую правду жизни, превращая подлинную историю Португалии в фантазию. Ведь разве не в том и состоит вся соль художественной литературы — в избирательном преобращении действительности? Чтобы, малость исказив ее,

добраться до самой сути. В таком случае что, собственно, я забыл в этой самой Португалии?

Хозяйка дома, из местных, будет рассказывать про войну с англичанами и про то, как их выдворили восвосяси. Вместе с ней мы будем обсуждать, что мне приготовить завтра на завтрак, на обед и на ужин. А вечером, покончив с дневной писаниной, я буду лазить по зыбящимся холмам, облепленным чайными плантациями.

Но, увы, роман вдруг чихнул, крикнул и преставился. Случилось это в Матхеране, горной деревеньке близ Бомбея, где с обезьянами было все в порядке, а вот чайных плантаций не было, хоть ты тресни. Похожая беда подстерегает начинающих писателей сплошь и рядом. И тема — блеск, и фразы — красота. Герои до того живые — хоть свидетельства о рождении выдавай. Фабула, им уготовленная, — лучше не придумаешь: и простая, и захватывающая. На подготовительной работе поставлена точка, скопилась куча фактического материала, для вящей достоверности, — про историю и людей того времени, про климат и даже про национальную кухню. Диалоги сверкают что клинки — разят прямо в сердце. Описания так и брызжут красками, контрастами и живыми подробностями. Что ни говори — гениально! Но не тут-то было. Вопреки всем радужным надеждам вдруг понимаешь — тихий неугомонный голос нашептывал тебе убийственную правду: все ни к черту. Не хватает самой малости — искорки, способной зажечь твою историю настоящей жизнью, и точная историческая фактура или безупречные кулинарные рецепты — все псу под хвост. Повесть твоя бесчувственна, мертва, и тут уж ничего не напишешь. Такое открытие, скажу вам, совсем не радует. От такого и впрямь засосет под ложечкой — как от голода.

Наброски безнадежного романа я отнес на почту в Матхеране. И отправил по выдуманному адресу в Сибирь, да и обратный адрес, в Боливии, я тоже взял с потолка. Когда пакет проштамповали и бросили в сортировочный мешок, я сел и тихо загрустил: «И что теперь, Толстой? Как насчет еще чего-нибудь эдакого, гениального?»

Хорошо еще, кошелек мой вконец не истощал, а на месте все так же не сиделось. Я встал и двинул с почты напрямиком на юг Индии.

Как бы мне хотелось отвечать: «Я доктор» — всем, кто спрашивал, чем я занимаюсь, ведь доктора нынче в почете — вот кто творит настоящие чудеса. Но тут и к гадалке не ходи: случись нашему автобусу перевернуться на крутом вираже, все сразу же кинутся ко мне, и поди докажи — среди воплей да стонов, — что хоть ты и доктор, но юрист; а после, взбреди им в голову судиться из-за увечий с правительством и нанять меня в консультанты, придется сознаться, что на самом деле я бакалавр, притом философии; затем, в ответ на крики, и за что им это наказание, придется покаяться, что я с трудом одолел Кьеркегора, и все такое прочее. Словом, как оно ни прискорбно, как ни унижительно, решил я все-таки не грешить против истины.

Всю дорогу я только и слышал: «Писатель? Да ну! Хотите историю?» Вот только истории эти зачастую были нудные, муторные, да еще с бородой.

Так добрался я до городка Пондишери, что в составе небольшой самоуправяемой союзной территории к югу от Мадраса, в Тамилнаде на побережье. По числу жителей и размерам это совсем крохотный уголок Индии (в сравнении с ним остров Принца Эдуарда в Канаде — суцая громадина), хотя история у него особая. Пондишери был

некогда столицей самой маленькой колониальной империи — Французской Индии. Французы, понятно, были бы не прочь потягаться с англичанами, очень даже не прочь; но в одном-единственном раджэ, где им только и удалось закрепиться, гаваней было всего ничего, да и те крошечные. Однако французы продержались там целых триста лет. И убрались из Пондишери только в 1954 году, побросав нарядные белые домики, широкие улицы, скрещивающиеся под прямым углом, с названиями вроде рю-де-ла-Марин и рю-Сен-Луи, да полицейские фуражки — кеги.

Сидел я как-то раз в «Индийской кофейне» на улице Неру. Кофейня эта размещается в одном большом зале с зелеными стенами и высоким потолком. Над головой кружат вентиляторы, разгоняя теплый влажный воздух. Зал заставлен одинаковыми квадратными столиками, по четыре стула у каждого. Выбирай любой, даже если за столиком уже кто-то сидит. Кофе подают превосходный, да еще с гренками, поджаренными в молоке с яйцом. И беседа там завязывается сама собой — легко и просто. В тот раз собеседником моим был шустрый ясноглазый старикашка с пышной, убеленной сединами шевелюрой. Я согласился с ним, что в Канаде и правда холодно, что там действительно есть места, где говорят только на французском, и уверил, что в Индии мне на самом деле нравится, ну и так далее и тому подобное — в общем, непринужденный разговор, какой дружелюбно-любопытные индусы обычно заводят с заезжими иностранцами. Про мою работу старичок слушал, широко раскрыв глаза, и одобрительно кивал. Но в конце концов пора было и честь знать. И я поднял руку, чтобы привлечь официанта и взять у него счет.

Тогда старичок возьми и скажи:

— Могу рассказать одну историю, да такую, что вы непременно уверуете в Бога.

Рука моя так и повисла в воздухе. Я насторожился. Неужто свидетель Иеговы стучится ко мне в дверь?

— Не иначе как истории вашей две тысячи лет и случилась она где-нибудь на задворках Римской империи? — спрашиваю.

— А вот и нет.

Может, старикашка — из этих, мусульманских пророков?

— Уж не в седьмом ли веке было дело, не в Аравии ли часом?

— Да нет же. Все началось здесь, в Пондишери, несколько лет назад, а закончилось, должен заметить на радость вам, в той самой стране, откуда вы приехали.

— И что, из-за этой вашей истории я должен поверить в Бога?

— Ну да.

— Вот так задача!

— Вам вполне по зубам.

Тут подошел официант. Я на мгновение задумался. И заказал еще пару кофе. Мы познакомились. Старичка звали Франсис Адирубасами.

— Так что там у вас за история? — спрашиваю.

— Только слушайте очень внимательно, — попросил он.

— Идет. — Я достал ручку и блокнот.

— Скажите, вы уже бывали в Ботаническом саду? — спросил он.

— Вчера ходил.

— Видели детскую железную дорогу?

— Ну да.

— По воскресеньям по ней до сих пор гоняет поезд детишкам на забаву. А было время, когда он гонял по два раза в час, и так каждый день. Помните, как называются станции?

— Одна — Розвиль. Та, что возле розария.

— Точно. А другая?

— Не помню.

— Там уже нет вывески. Когда-то она называлась Зоотаун. Поезд делал две остановки — в Розвиле и Зоотауне. Когда-то на месте Пондишерийского ботанического сада был зоопарк.

Старичок продолжал свой рассказ. А я все помечал да записывал.

— Вам надо и с ним поговорить, — сказал он про главного своего героя. — Я знал его очень-очень хорошо. Теперь он уже взрослый. Порасспросайте его — может, и он что вспомнит.

Позднее, уже в Торонто, я разыскал его, главного героя, по телефонному справочнику, в перечне из девяти колонок, где значились сплошные Патели. А когда набирал номер, сердце так и колотилось в груди. Голос в трубке был с явным канадским акцентом, сдобренным неповторимой индийской размеренностью — легкой, как тонкое, едва уловимое благоухание. «Как же давно это было», — проговорил незнакомец. Но встретиться со мной все-таки согласился. С тех пор встречались мы не раз. Он показывал дневник, где описал все, что с ним приключилось. Показывал пожелтевшие газетные вырезки, снискавшие ему мимолетную, скромную славу. И рассказывал свою историю. А я за ним записывал. Где-то через год, после долгих проволочек, я наконец получил магнитофонную пленку и отчет из Министерства транспорта

Японию. И, только прослушав пленку, признал — прав был старина Адирубасами, когда обещал, что после этой истории я непременно уверю в Бога.

Мне подумалось: не проще ли будет рассказать историю господина Пателя от первого лица — его собственного? А все неточности и огрехи можно смело списать на меня.

Хотелось бы мне и кое-кого поблагодарить. Конечно же, я всем обязан господину Пателю — и моя благодарность ему бескрайня, как Тихий океан. Надеюсь, рассказ мой его не разочарует. Господина Адирубасами я благодарю за то, что он пробудил во мне интерес к этой истории. Ну а закончить ее мне помогли три чиновника, прекрасные знатоки своего дела, за что я им также благодарен: Казухико Ода, недавно оставивший службу в японском посольстве в Оттаве; Хироси Ватанабе из судоходной компании «Ойка»; и особенно Томохиро Окамото из Министерства транспорта Японии, ныне пребывающий на заслуженном отдыхе. А что до животворной искорки, ее зажег во мне Моасир Скляр. В заключение я хотел бы выразить самую искреннюю признательность выдающемуся учреждению — Канадскому совету по делам искусств: без его денежной помощи мне бы ни в жизнь не удалось довести до ума мою историю, не имеющую, впрочем, ни малейшего отношения к Португалии 1939 года. Если мы как граждане не будем помогать нашим художникам, то бросим свое воображение на алтарь суровой действительности, и нам ничего не останется, как только утратить веру и тешить себя пустыми мечтами да призрачными надеждами.

Часть I

ТОРОНТО И ПОНДИШЕРИ

I

Ямаялся — на душе у меня скребли кошки. Но университетские занятия и постоянная серьезная религиозная практика мало-помалу вернули меня к жизни. Я остался верен своим религиозным пристрастиям, хотя кое-кому это казалось странным. Отучившись последний год в средней школе, поступил в Торонтский университет и выучился на бакалавра по двум специальностям сразу. Первой было богословие, а второй — зоология. Курсовая моя по теологии, на четвертом году обучения, затрагивала некоторые стороны космогонической теории Исаака Лурии, великого каббалиста XVI века из Сафеда. А курсовая по зоологии была посвящена функциональному анализу щитовидной железы у трехпалого ленивца. Ну а ленивца я выбрал потому, что характер его — спокойный, мирный, самоуглубленный — был бальзамом на мою измотанную душу.

Ленивцы бывают двухпалые и трехпалые, притом что судить об этом можно лишь по передним лапам —